

Возвращение

Петр Акимович Сергачев получил известие о смерти родной тетушки Евлампии Сергеевны аккурат за две недели давно ожидаемого ежегодного отпуска, и порадовался, одновременно укоряя себя за бесчувствие. Ведь теперь отпуск можно было увеличить! Конечно, надо будет съездить в родную деревню Большие Урочища, но времени много это не займет, туда-обратно максимум дня три-четыре. «Остальное - мое, гуляй - не хочу», - мечтал Петр Акимович и сладко жмурился. О том, что начальство может не подписать заявление, он старался не думать. Подпишут, никуда не денутся. Все-таки он лучший слесарь на автобазе. Сколько он сверхурочных отработал - и не упомнит никто.

В деревне он не бывал с юности. Как отслужил в армии, так и остался в городе. Устроился на курсы в учебном комбинате Автотранса, получил диплом, и с тех пор бессменным местом его обитания стал родной гараж с обветшалыми пристройками автомастерских. Со временем пристройки снесли, возвели новый корпус, просторный, сверкавший чистыми стеклами.

Понемногу росло благосостояние - как у всех, так и у него. Получил комнату, поменял с доплатой на однокомнатную квартиру, прикопил денег на «Жигули». Затем продал их, купил новый «Москвич», который сменял на подержанную китайскую иномарку. Жениться сначала не спешил, все выбирал. Потом уже привык жить один. И было ему хорошо и спокойно. На родину не тянуло. Съездил только единожды на похороны матери. На поминках местные мужики перепились и полезли в драку. Он, жилистыми руками, привычными к тяжелой работе, всех раскидал и уехал обиженный. «Ноги моей здесь больше не будет», - поклялся сгоряча, не подумав о близких, оставшихся на родине.

А теперь вот пришлось вспомнить...

Тетку Евлампью он любил. Она часто приголубливала его, когда за ним гонялся пьяный отец. Уговаривала постепенно спивающуюся мать: «Одумайся, Наталья! Окочуришься по пьяному делу - мальчонка один останется. Кому он нужен будет?» Уговоры действовали на Наталью недолго. Она слушала, кивала, но стоило мужу уйти в очередной загул - все ее благие намерения как ветром сдувало. Опять пьяные застолья с песнями и драками, опять Петеньке приходилось прятаться в сарае у тети Лампы (как он сызмала прозвал родственницу). Неудивительно, что призыва в армию он ждал как светлого праздника. И ушел с твердым намерением на родину больше не возвращаться.

Оказалось, что тетку похоронили без него. В поселковой администрации он узнал, что по праву наследования является собственником избы-пятистенки и приусадебного участка. Изба была крепкая, крыта железом, все удобства в доме были, и Петр передумал продавать «поместье». «Сгодится на старости лет, - думал он. Будет где в саду ковыряться. Да и картошки надо бы посадить.

На базаре она эвон почем. А река-то в двух шагах! Рыбы немеряно. Решено - буду хозяйничать». Предстоящие хлопоты его не пугали - к тяжелой работе он привык, и мастер был что надо.

Так раздумывал новый хозяин «фазенды», как после волны бразильских сериалов стали у нас называть загородные постройки. Сидел у окна, отдернув занавеску, глядел на улицу, которую освещал потухающий закат. Подумал: «Пойду-ка пройдуся». Встал, накинул полушубок и вышел на улицу.

Была весна. Она налетела внезапно, так, что даже под вечер Петру было жарко в полушубке. Он вернулся и сменил его на старую куртку. Земля раскисла, везде стояли лужи, и даже в сумерках журчали ручейки. Посвистывали в сумраке птицы, недвижно замерли ветлы и березы вдоль улицы, тусклое небо как парус накрывало старую деревню. «Хорошо все-таки дома», - подумал приезжий. И запрокинув голову, пытался отыскать в зеленеющем небе первые звезды.

Но, не глядя под ноги, споткнулся, попал обеими ногами в лужу - и благодушное настроение как ветром сдуло. Раскисшая почва была вдоль и поперек изрезана следами какого-то большегрузного транспорта. Глубокие колеи залиты талой водой. Тягач? Откуда он здесь? Что тянул? Куда? Это же его, Петра, территория!

Без пяти минут собственник пришел в ярость.

- Эй, сосед!-завопил он. Что за дела тут такие? Кто тут разворачивался, не видел?

На крыльцо соседнего дома, что-то жуя, выскочил сосед, ровесник Петра («Когда-то голавлей вместе ловили», - вспомнил тот).

- Что шумишь, - спросил мирно. Ну, крест тут везли, так что такого? Новый будут ставить на храм.

- Какой еще крест?! Какой храм?! Тут церковей никогда не было! - бушевал Петр.

- Нет, церковь была. Взорвали ее давным - давно, после войны. А теперь восстановили. Не помнишь, разве?

- Ну и что с того? Зачем же на чужую землю заезжать?!

- Тут ничья земля.

- Нет, моя! И никакие кресты я тут возить не позволю. Пусть себе на кладбище возят. Кто у них главный? Поп? Сейчас я ему покажу!

Спотыкаясь и бранясь, Петр поспешил к центру села Большие Урочищи. Недостроенный храм поднимался уже довольно высоко.

«Издалека, небось, видать», - невольно подумал Петр и тотчас же опомнился. «Тьфу, мне что за дело?» Живя в городе, он привык называть себя модным и непонятным словом «агностик».

- Послушайте, любезный, как вас там? Господин священник? – робко (все же не дома!) начал Петр. Вот Вы крест свой провезли по моему участку...

- Да, простите, был грех, - легко согласился «господин» в заляпанном глиной подряснике. Ну, и что будем делать? А?

Он был высок ростом и крепок. Стоял, теребил бороду и глядел смеющимися глазами на собеседника.

Петр стушевался. Злиться и качать права ему почему-то расхотелось. «Кулачищи в полпуда, засветит - и мало не покажется».

- М-м-м-э-э... ущерб, так сказать... - проблеял пострадавший. Надо бы возместить...

- А, что, ущерб? Это мы исправим. Сейчас самосвал песку пригоню, засыплю, выровняем - хоть «Лебединое озеро» пляши, хоть польку-бабочку. Ну как, согласны? Или есть претензии?

- Не-ет, - с облегчением выдохнул жалобщик.

- Звать-то как? - спросил батюшка.

- Петром крестили.

- О-о-о, первоверховный апостол. Ключи от рая хранил. Хоть знаешь, чем славен? Житие читал?

Петру стало стыдно, хоть он и считал себя агностиком. Промямлил:

- Некогда все... Суета. И вообще это все сказки, - добавил он торопливо, увидев, как чело собеседника заволакивают тучи.

- Какие же это сказки? - тихо закипая, проговорил служитель культа. Это вы зря. Распятие и вознесение Христа на небо видели тысячи людей.

- Все равно, - упрямылся Петр. Не верю.

- Так вы веры попросите у Господа.

- Да зачем Он мне? Что я, с луны свалился? Не вижу, как хорошие люди маются, а всякая шваль благоденствует? И не надо мне про всякие райские чертоги рассусоливать. Я здесь, на этом свете нормально пожить хочу.

- Не достало, значит, вас, - с сожалением проговорил священник.

- Да! И не надо накликать несчастья. Вам лишь бы деньги несли, а что с человеком будет - до фени. Вот моя мать спилась вместе с отцом - ни один поп ей не помог.

- А в какие годы это было?

- После войны.

- Храм стоял? - священник насторожился.

- Нет, уже взорвали.

- Так откуда и было священникам взяться? Их же, наверное, всех расстреляли, несчастных?

Петр, опустив голову, молчал. Ему было стыдно, как никогда в жизни.

- Я, это, слесарь. Если что починить... Только вы не думайте, я в Бога с детства не верю. Церковь жалко.

- Ладно-ладно, брат, разберемся. Никто тебя на аркане не тянет. Хочешь работать - приходи. В отпуске?

- Да, пока. Думаю уволиться и переехать, - выкрикнул Петр, хотя не собиравшись этого говорить и тем более - делать. Само вырвалось.

- Ну, давай. Ждем.

*Марина Васильева
Апрель 2015*